

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ

«Мягкая сила» в международных отношениях. Образ России

БРИКС: ЭВОЛЮЦИЯ И КОНВЕРГЕНЦИЯ СИЛ

В.С. Ягья, Р.С. Чуков, Н.Л. Парфененок

Кафедра мировой политики факультета международных отношений
Санкт-Петербургский государственный университет
ул. Смольного, 1/3, Санкт-Петербург, Россия, 191060

Осуществление внешней политики государства посредством исключительно классической дипломатии на сегодняшний день представляется малоэффективным. Государства вынуждены использовать дополнительный набор инструментов, которые традиционно находились на пересечении «мягкой» и «жесткой» сил. На волне конвергенции данных концепций происходит зарождение таких стратегий, как «смарт-сила» и «гибридная сила», что системно анализируется в данной статье применительно к такому феномену, как объединение БРИКС.

Ключевые слова: «мягкая сила», «жесткая сила», «смарт-сила», «гибридная сила», БРИКС, глобальное управление, международные организации, международные объединения.

Формат БРИКС олицетворяет экономическую силу и политическую волю, являясь наиболее прогрессивно развивающейся группой стран ввиду того, что, например, «все эти государства являются мощными региональными державами, их доля в мировом экспорте и привлечении иностранных инвестиций непременно растет» [Naude, Szirmai, Lavora 2013]. Сама история появления этого интеграционного объединения говорит о его уникальности и предполагает геополитическое, геоэкономическое и геостратегическое разнообразие.

В первой части статьи рассматривается понятие «силы», затем раскрываются теоретические основы каждой из указанных стратегий вместе с имеющимся опытом и перспективами их имплементации в странах БРИКС. За основу методологии данного исследования взят системный анализ, который позволил изучить заявленную тему в отдельности для каждой из стран БРИКС и в совокупности как одной системы, обоснование ряда положений приводится за счет релевантных кейс-стади, а также анализа наиболее актуальной российской и зарубежной литературы.

О ПОНЯТИИ «СИЛА»

На какой бы принципиально новый уровень ни выходила сегодня глобализация на волне инновационных информационных каналов и технологий и какие бы формы она ни принимала, какие бы общие ценности ни связывали сегодня международные интеграционные объединения и как бы ни казались надежны регуляторы международной системы, ключевым термином на мировой арене по-прежнему остается понятие «**сила**» («**power**»).

Несмотря на постоянные дебаты о природе силы, ее концептуальных рамках и даже о самой значимости данной концепции (так, к примеру, теоретик структурного функционализма Толкотт Парсонс отмечает, что из-за различных подходов к ней существуют затруднения при описании силы в различных контекстах [Parsons 1963]), данное понятие активно используется, и его популярность лишь возрастает. Наиболее общим и часто используемым определением понятия «power», которое может переводиться на русский язык и как сила, и как власть, является определение Макса Вебера, который обозначает силу как возможность и способность навязывать свою волю, влиять на чьи-либо действия и поведение, даже вопреки их сопротивлению [Weber 1947].

Понятие «сила» эволюционировало в соответствии с появлением новых тенденций в международных отношениях и было кардинально переосмыслено в рамках неолиберализма. Одновременно шло формирование, обоснование и применение на практике разных типов силы. В 1972 г. Роберт Кеохейн и Джозеф Най в своей книге «Транснациональные отношения и мировая политика» отметили, что государства больше не являются единственными акторами в международных отношениях¹, а пять лет спустя, в 1977 г., в своей работе «Власть и взаимозависимость: мировая политика в развитии» обосновали новую неолиберальную парадигму в теории международных отношений². Развивая идеи неолиберализма, Кеохейн и Най представили концепцию «**мягкой силы**», подчеркивающую важность не только военных или экономических инструментов в ведении внешней политики, а как стратегии, построенной на основе симпатии и привлекательности, в противовес «жесткой силе», основанной на принуждении [Nye 2010].

«МЯГКАЯ СИЛА»

При теоретизации «мягкой силы» рядом российских исследователей обстоятельно проанализированы актуальные вопросы ее концепции, разработана ее структура, компоненты и дан анализ практики ее реализации [Громько 2014], [Торкунов 2012], [Филимонов 2010], [Лебедева 2014]. Рассмотрение применения «мягкой силы» в рамках БРИКС позволяет выявить тренды в развитии этого объединения или, по крайней мере, учитывая ее становление, выявить признаки отдельных структурных компонентов углубления интеграции.

¹ Keohane R., Nye J. *Transnational Relations and World Politics* (Center for International Affairs) — Center for international affairs, 1972.

² Keohane R., Nye J. *Power and Interdependence: World Politics in Transition* // *Political Science Quarterly*. Vol. 93. No. 1. 1978.

Важным каналом «мягкой силы» БРИКС является культурно-гуманитарный базис, прежде всего исторические и современные достижения государств «пятерки» в области культуры, искусства, науки, образования, спорта, а также их высокие духовные и нравственные ценности.

Несмотря на имеющиеся место культурно-гуманитарные различия, страны БРИКС имеют широкий потенциал взаимодействия и привлечения сторонников именно за счет наиболее активно развиваемых сфер. Во всем мире с Бразилией принято отождествлять футбол, карнавалы; Россия славится своим искусством: балет, музыка, литература; Индия известна всему миру за счет набирающей популярность йоги; Китай воспринимается как кладезь мудрости и жизненной философии, а ЮАР олицетворяет Африканский континент с его аутентичной культурой. Страны привлекают множество туристов благодаря великолепной природе, архитектуре, культурным достопримечательностям и очень богатому выбору блюд национальной кухни. Ученые из стран БРИКС работают во многих частях мира, закрепляя за своими странами бренд кузницы научных кадров, при этом способствуя привлечению умов в эти страны. В данном контексте весьма интересен феномен создаваемого Сетевого университета БРИКС¹.

В рамках работы БРИКС первостепенное значение уделяется так называемым форматам расширенного диалога, или «аутрич», которые традиционно каждое председательство в БРИКС проводит для разных целевых групп. Российское председательство в БРИКС в 2015 г. расширило и укрепило традиции встреч гражданского общества, молодежи и ученых, а совокупное число аутрич-форматов достигло двадцати пяти всего из более чем ста мероприятий, проведенных за год. Крупным мягкосиловым событием явилась инициатива России по развитию парламентского измерения БРИКС: первый Парламентский форум БРИКС прошел в Москве 8 июня 2015 г.

Стоит отметить, что в странах БРИКС есть успешные примеры продвижения «мягкой силы». Безусловным лидером является Китай, который позиционирует открытость и транслирует свои ценности и культуру посредством такого инструмента, как Институт Конфуция (в России роль «скульптора» публичной дипломатии принадлежит Россотрудничеству) [Folk 2015].

В целом, при определении стратегии «мягкой силы» этих двух стран исследователи отмечают схожий характер подходов Китая и России по причине коммунистического прошлого [Wilson 2015]. При этом «мягкая сила» Китая при взаимодействии с внешним миром представляет четкий стимул для развития культурно-гуманитарных связей народов Китая и мира [Ягья, Минфу 2015]. Применительно к внутривнутриполитическим факторам «мягкой силы» исследователями отмечается определенное разочарование Китая в эффективности «мягкой силы», в том числе и по причине «провала» Китайской мечты, которая предполагалась как схожая по концепции и противоположная по идеологии американской мечте [Callahan 2015].

¹ СПбГУ стал одним из российских участников Сетевого университета БРИКС. Официальный сайт Санкт-Петербургского государственного университета. 26 февраля 2015 URL: <http://spbu.ru/news-spsu/25480-spbgu-stal-odnim-iz-rossijskikh-uchastnikov-setevogo-universiteta-briks.html>.

Бразилия же по понятным географическим причинам предпочитает выстраивать отношения по партнерству Юг—Юг [Costa, Pomeroy, Suyama 2015]. Тем не менее, в связи с Олимпийскими играми в Рио-де-Жанейро в 2016 г. в разных странах развернулось изучение португальского языка, истории Бразилии и ее культуры. Примечательно, что фактор Олимпиады как элемента «мягкой силы» в полной мере был использован и в других странах БРИКС — Китае и России.

Что касается ЮАР и Индии, ситуация в них не позволяет пока масштабно распространять местные национальные языки (хинди, зулу и др.) [Ягья, Чернов, Ковалевская 2013]. Представляется, что Индия еще не успела разочароваться в «мягкой силе», при этом индийские эксперты отмечают, что ей уделяется роль не меньшая, чем военным рычагам [Pocha 2003]. Для ЮАР же актуальной сегодня является попытка выстроить независимую «мягкую силу», а не подчиняться навязанным иностранным моделям [Whitaker 2010].

Важным аспектом современной «мягкой силы» БРИКС стало бы непредвзятое освещение деятельности государств-членов на международной арене. Так, умелое позиционирование ключевых успехов БРИКС в области защиты прав человека, достижений в борьбе с общечеловеческими экологическими угрозами или вызовами в сфере глобальной безопасности и здоровья граждан может стать важным дополнением к усилиям государств по формированию позитивного образа в мире. По такому пути решили пойти и в России, создав международный канал «Russia Today», выполняющий задачи по донесению альтернативной точки зрения до мировой общественности. Из Китая с такими же целями вещает канал CCTV.

В дополнение к традиционным средствам позиционирования государств БРИКС посредством классической дипломатии и традиционных СМИ все более растущее влияние получает развитие Интернета и новых медиа (социальные сети). Ученые Б. Майкл, К. Хартвелл и Б. Нуриев связывают развитие «мягкой силы» с уровнем «подключенности» государств к мировой сети [Майкл Б., Хартвелл К. Нуриев 2014]. В этом направлении странам БРИКС еще предстоит пройти длительный путь. Вместе с тем представляется, что совместные усилия стран БРИКС в интернет-пространстве, как то: создание и поддержание общего интернет-портала (виртуального секретариата, запуск которого запланирован в 2016 г.) и иные совместные инициативы должны быть открыты для внешнего сотрудничества.

«СМАРТ-СИЛА»

В целом современная ситуация в мире вносит определенные коррективы в восприятие «мягкой силы». Российские эксперты признают, что Россия отходит от приверженности исключительно ненасильственным стратегиям внешней политики, что объяснимо с учетом современной ситуации и ответственности, лежащей на сверхдержаве [Sergunin, Karabeshkin 2015].

Переоценка силы происходит в ключевые моменты для мировой истории: рассматривать «мягкую силу» как глобальную стратегию стало невозможным после 11 сентября 2001 г. На смену «мягкой силе» была предложена «**смарт-сила**», в качестве ее практического примера экс-госсекретарем США Хиллари Клинтон

была обозначена американская операция в Ираке. Джозеф Най уже в 2003 г. определил «смарт-силу» как набор инструментов, сочетающий «жесткую» и «мягкую силу» для формирования выигрышной стратегии. Он представляет свое видение современной дипломатии как три возможных пути воздействия на другого актора на мировой арене с целью получения желаемого результата: принуждение, подкуп или привлечение. Лишь привлечение, по мнению Най, можно достичь инструментами «мягкой силы», и далеко не всегда государства идут на это. Соответственно, для достижения своих внешнеполитических целей государства вынуждены использовать также принуждение и подкуп, далеко не являющиеся «мягкой силой» [Nye 2009].

Однако возникает определенная **концептуальная турбулентность**: чем различаются тогда просто «мягкая» и «жесткая» силы вместе от «смарт-силы»? Стоит ли рассматривать «мягкую силу» исключительно как дополнительный компонент во внешнеполитической стратегии, если даже автор данной концепции отмечает его несостоятельность в качестве самостоятельной стратегии? Более того, последние два года показали активное использование как жестких экономических рычагов (которые явно можно рассматривать исключительно как «жесткую силу»), так и информационные атаки, которые затруднительно описать в рамках как «жесткой» и «мягкой», так и «смарт-силы».

Мощный экономический базис стран БРИКС наряду с усилением их воздействия на мирополитические и мироэкономические процессы составляет основу «смарт-силы» БРИКС. Представляется, что их сотрудничество простирается не только в плоскости «мягкой», но и «смарт-силы». Каждая из стран является региональным лидером и содержит свой арсенал подобных мер. Если мы рассматриваем «смарт-силу» в качестве стратегии, допускающей экономическое влияние, то показателен пример Китая со стремлением сделать юань ключевой мировой валютой [Liao, McDowel 2015]. В случае с Китаем встречается также и упоминание «мудрой» силы [Mahbubani 2008].

Элементами же «смарт-силы» призваны стать первые учрежденные исключительно в рамках БРИКС структуры полноформатного взаимодействия, такие как Новый банк развития и Пул условных валютных резервов, совокупный экономический эффект от введения которых сможет существенно расширить географию влияния БРИКС за счет развития и поддержки инфраструктурных проектов и финансовой стабильности именно в странах с более низким уровнем развития.

Среди внешних ограничителей «смарт-силы» БРИКС необходимо учитывать и наличие санкционного режима, как в части антироссийских санкций и контрсанкций, так и в свете возможного введения китайских санкций против США. Санкционный режим в целом иллюстрирует современный потенциал «смарт-силы», когда соответствующие меры получают широкое информационное освещение. Период 2014—2015 гг. показал активное использование санкций как экономических рычагов достижения внешнеполитических целей в рамках стратегии «смарт-силы». Хотя зарубежные исследователи отмечают, что эффективность санкций слишком переоценивается лидерами государств [Spaniel, Smith 2015].

«ГИБРИДНАЯ СИЛА»

Необходимо отметить, что «сила», разумеется, не единственный ключевой термин международных отношений, который стремительно развивается. Так, набирает обороты понятие «**гибридная война**», которая рассматривается как стратегия объединения классической войны, малой войны и кибервойны [Hoffman 2009]. Концептуальные изменения роли киберпространства в политике отдельно подчеркиваются экспертным сообществом, и вместе с тем отмечается прямая связь между уровнями технологического развития стран и глобальными изменениями в мировой политике [Peksen, Peterson, Drury 2014].

Вместе с тем данная концепция уже расширена. Так, к примеру, С. Клименко рассматривает в качестве гибридной войны в том числе продуктовые эмбарго [Клименко 2015]. Более того, и кибервойны давно вышли за пределы цифровой дипломатии, рассматриваемой в рамках «мягкой силы» автором ключевых работ по цифровой дипломатии Фергюсоном Хансом [Hanson 2013] (начиная с самого яркого примера, а именно «арабской весны» 2011 г.).

Следует отметить, что в странах БРИКС предпринимались попытки совершения революций с использованием современных информационных ресурсов (революции «зонтиков» в Гонконге, организованные протестные движения в Бразилии, волнения в ЮАР и в Индии).

Представляется, что использование механизмов гибридных войн приводит к появлению «**гибридной силы**», объединяющей в себе «жесткую», «мягкую», «смайт»-силы и атаки в киберпространстве, и являющейся серьезным вызовом для стран БРИКС.

Полноценному военно-техническому сотрудничеству БРИКС и развитию потенциала его «гибридной силы» препятствуют имеющиеся антагонизмы между странами. Зарождающаяся кооперация в сфере научно-технологического и инновационного сотрудничества БРИКС в совокупности со сближением позиций стран в области поддержания международной безопасности может вывести объединение на принципиально новый уровень, что обуславливается требованиями эпохи гибридных информационных, цифровых и экономических войн.

Такому сценарию будет в полной мере способствовать достижение синергетического эффекта от реализуемых совместных политических и экономических проектов наряду интеграцией с другими форматами, такими как ШОС.

Современные тенденции указывают на то, что страны БРИКС активно наращивают свое присутствие во всех ключевых сферах экономики и политики. БРИКС заявляет о том, что эпоха одностороннего принятия решений без учета интересов большинства стран уходит в прошлое, что является еще одной причиной укреплять свое взаимодействие в том числе средствами «мягкой силы», призывая мировое сообщество к дипломатическому разрешению конфликтов и споров. В данном контексте ключевыми факторами привлекательности для БРИКС стали бы именно рассматриваемые компоненты «мягкой силы».

«Мягкая сила» БРИКС призвана обеспечить долгосрочную кооперацию, а контакты по линии деятелей культуры и искусства, экспертов, ученых, журналистов, спортсменов, молодежи могут стать прочной основой для сближения народов не только по политическому и экономическому, но и гуманитарному треку. Представляется, что в странах БРИКС есть весьма успешные примеры продвижения «мягкой силы», а само объединение иллюстрирует приверженность стран данному подходу и стремится формировать полицентричный мировой порядок, что отражается как во внешнеполитических доктринах стран, входящих в объединение, так и в тех инструментах, за счет которых этих целей можно было бы достичь.

Кроме того, страны БРИКС обладают мощным политическим и экономическим потенциалом для реализации стратегий «смарт-силы», что в дальнейшем будет только способствовать укреплению межстрановых связей объединения. Наиболее вероятным сценарием дальнейшего развития БРИКС станет планомерное развитие объединения и запуск первых проектов Нового банка развития БРИКС — первой структуры полноформатного взаимодействия этих стран.

В стремлении занять достойное место в глобальной полицентричной мировой системе координат модель «смарт-силы» БРИКС начинает пересекаться и конкурировать с дипломатией других наиболее развитых государств и их союзов. Приведенные факторы и их использование при опоре на «мягкие» и «смарт»-инструменты играют на улучшение имиджевых интересов объединения. В перспективе могут появиться новые форматы взаимодействия, отвечающие уже «гибридной силе», в свете возросшей актуальности противодействия реальным и киберугрозам международной безопасности.

Потенциал «мягкой», «смарт» и «гибридной» сил БРИКС призван помочь странам БРИКС добиться нового уровня интеграции и привлекательности в глазах международного сообщества, а также позволит странам упрочить свои позиции в мирополитическом и мироэкономическом измерениях глобальных процессов.

Ситуация в мире, безусловно, будет развиваться, и дальнейшее развитие и трансформация БРИКС за счет упомянутых факторов будет представлять интерес для дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Громько А.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // Вестник Московского Университета. Серия 25. Международные отношения и Мировая Политика. 2014. № 3. С. 3—19.
- [2] Клименко С. Теория и практика ведения «Гибридных войн» (по взглядам НАТО) // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 5. С. 109—112.
- [3] Лебедева М.М. Мягкая сила в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университет. 2014. № 2. С. 47—55.
- [4] Майкл Б., Хартвелл К., Нуриев Б. Мягкая сила — палка о двух концах // BRICS Magazine. 2014.
- [5] Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университет. 2012. № 4. С. 85—93.

- [6] *Филимонов Г.Ю.* Мягкая сила культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010.
- [7] *Ягья В., Минфу Л.* Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI веке // *Международная жизнь*. 2015. № 7. С. 84—93.
- [8] *Ягья В.С., Чернов И.В., Ковалевская Н.В.* Лингвистические измерения мировой политики. Изд. 2-е, исп. Berlin Golden Mill Germany. 2013. С. 202.
- [9] *Callahan W.A.* Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream // *Politics. Special Issue: The Soft Power of Hard States*. 2015. Vol. 35. No. 3—4. P. 216—229.
- [10] *Costa I.L., Pomeroy M., Suyama B.* Brazilian South–South Development Cooperation: The Case of the Ministry of Social Development in Africa // *Journal of International Development. Special Issue: Aid, Social Policy, and Development*. 2015. Vol. 27. No. 8. P. 1446—1461.
- [11] *Folk H.* Communicating China to the World: Confucius Institutes and China's Strategic Narratives // *Politics*. November 1, 2015. P. 245—258.
- [12] *Hoffman F.G.* Hybrid warfare and challenges // *JFQ: Joint Force Quarterly*. 2009. P. 34—48.
- [13] *Liao S., McDowell D.* Redback Rising: China's Bilateral Swap Agreements and Renminbi Internationalization // *International Studies Quarterly*. 2015. Vol. 59. No. 3. P. 401—422.
- [14] *Mahbubani K.* Smart power, Chinese Style // *American Interest*. March—April 2008.
- [15] *Naude W., Szirmai A., Lavopa A.* Industrialization lessons from BRICS: A Comparative Analysis. Institute for the Study of Labor. Discussion Paper 7543. Bonn. 2013. P. 2.
- [16] *Nye J.* Get Smart. Combining Hard and Soft Power // *Foreign Affairs*. July 1, 2009.
- [17] *Nye J.* New public diplomacy. Project Syndicate. 10.02.2010. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-new-publicdiplomacy?version=russian&barrier=true> (дата обращения: 23.12.2015).
- [18] *Parsons T.* On the Concept of Political Power // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1963. Vol. 107. No. 3. P. 232—262.
- [19] *Peksen D., Peterson T.M., Drury A.C.* Media-driven Humanitarianism? News Media Coverage of Human Rights Abuses and the Use of Economic Sanctions // *International Studies Quarterly*. 2014. Vol. 58. No. 4. P. 855—866.
- [20] *Pocha J.* The Rising “Soft Power” of India and China // *New Perspectives Quarterly*. 2003. Vol. 20. No. 1. P. 4—13.
- [21] *Sergunin A., Karabeshkin L.* Understanding Russia's Soft Power Strategy // *Politics. Special Issue: The Soft Power of Hard States*. 2015. Vol. 35. No. 3—4. P. 347—363.
- [22] *Spaniel W., Smith B.C.* Sanctions, Uncertainty, and Leader Tenure // *International Studies Quarterly*. 2015. Vol. 59. No. 4. P. 735—749.
- [23] *Weber, M.* The Theory of Social and Economic Organization, trans. By A.M. Henderson and T. Parsons. Glencoe: The Free Press, 1947.
- [24] *Whitaker B.E.* Soft balancing among weak states? Evidence from Africa // *International Affairs*. 2010. Vol. 86. No. 5. P. 1109—1127.
- [25] *Wilson J.* Russia and China Respond to Soft Power: Interpretation and Readaptation of a Western Construct // *Politics*. 2015. P. 287—300.

Дата поступления статьи: 15.11.2015

Для цитирования: *Ягья В.С., Чуков Р.С., Парфененок Н.Л.* БРИКС: эволюция и конвергенция сил // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения»*. 2016. № 1. С. 7—16.

BRICS: EVOLUTION AND CONVERGENCE OF POWERS

V.S. Yagya, R.S. Chukov, N.L. Parfenenok

World politics Department
St. Petersburg State University
Smolny str., 1/3, St. Petersburg, Russia, 191060

Conducting of foreign policy solely by means of classical diplomacy today seems inefficient. States are supposed to use additional set of tools that have traditionally been at the confluence of soft and hard powers. Convergence of these concepts launched the emergence of such strategies, as smart power and hybrid power that we analyze as a system in relation to such a phenomenon, as BRICS.

In the first part of paper we contemplate the concept of power and further expand it to the theoretical ground of each of these strategies along with the existing experience and prospects of their implementation in the BRICS countries. Systematic analysis is taken as the basis of the methodology of this paper, which allowed us to explore this theme separately for each of the BRICS countries and collectively as a system. Feasibility of a number of our provisions is confirmed by relevant case studies and analyses of the most relevant Russian and foreign literature, which results in our main conclusions.

Current trends indicate that the BRICS countries are actively expanding its presence in all the key sectors of the global economy and politics. BRICS is at an early stage of implementation of own formats and tools of smart and hybrid powers, the role of which will steadily increase in the international activities of the group, adding value to its arsenal of traditional diplomacy.

The potential capacity of soft, smart and hybrid powers of BRICS aims at helping countries to achieve a new level of integration and attractiveness in the eyes of the international community, and will also allow countries to strengthen their positions.

Key words: Soft power, smart power, hybrid power, BRICS, global governance, international organizations, international communities.

REFERENCES

- [1] Callahan W.A., 2015. Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream. *Politics. Special Issue: The Soft Power of Hard States*. Vol. 35. No. 3—4. P. 216—229.
- [2] Costa I.L., Pomeroy M., Suyama B., 2015. Brazilian South–South Development Cooperation: The Case of the Ministry of Social Development in Africa. *Journal of International Development. Special Issue: Aid, Social Policy, and Development*. Vol. 27. No. 8. P. 1446—1461.
- [3] Filimonov G.Yu., 2010. *Myagkaya sila kul'turnoi diplomatii SShA [The soft power of US cultural diplomacy]*. Moscow: RUDN.
- [4] Folk H., 2015. Communicating China to the World: Confucius Institutes and China's Strategic Narratives. *Politics*. P. 245—258.
- [5] Gromyko A.A., 2014. «Myagkaya sila» i sila prava: k postanovke problemy [“Soft power” and the force of law: defining the problem]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 25. Mezh-dunarodnye otnosheniya i Mirovaya Politika*. No. 3. P. 3—19.
- [6] Hoffman F.G., 2009. Hybrid warfare and challenges. *JFQ: Joint Force Quarterly*. P. 34—48.
- [7] Klimenko S., 2015. Teoriya i praktika vedeniya “Gibridnykh voyn” (po vzglyadam NATO) [Theory and practice of conducting hybrid warfare (NATO views)]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. No. 5. P. 109—112.
- [8] Lebedeva M.M., 2014. Myagkaya sila v otnoshenii Tsentral'noi Azii: uchastniki i ikh deistviya [Soft power dedicated to Central Asia: the participants and their actions]. *Vestnik MGIMO-Universitet*. No. 2. P. 47—55.

- [9] Liao S., McDowell D., 2015. Redback Rising: China's Bilateral Swap Agreements and Renminbi Internationalization. *International Studies Quarterly*. Vol. 59. No. 3. P. 401—422.
- [10] Mahbubani K., 2008. Smart power, Chinese Style. *American Interest*. March—April 2008.
- [11] Maikl B., Khartvell K., Nuriev B., 2014. Myagkaya sila — palka o dvukh kontsakh [Soft power as the double edged sword]. *BRICS Magazine*. 2014.
- [12] Naude W., Szirmai A., Lavopa A., 2013. Industrialization lessons from BRICS: A Comparative Analysis. *Institute for the Study of Labor. Discussion Paper 7543*. Bonn, P. 2.
- [13] Nye J., 2009. Get Smart. Combining Hard and Soft Power. *Foreign Affairs*.
- [14] Nye J., 2010. New public diplomacy. *Project Syndicate* [Online]. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-new-public-diplomacy?version=russian&barrier=true> [Accessed 23 December 2015].
- [15] Parsons T., 1963. On the Concept of Political Power. *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 107. No. 3. P. 232—262.
- [16] Peksen D., Peterson T.M., Drury A.C., 2014. Media-driven Humanitarianism? News Media Coverage of Human Rights Abuses and the Use of Economic Sanctions. *International Studies Quarterly*. Vol. 58. No. 4. P. 855—866.
- [17] Pocha J., 2003. The Rising “Soft Power” of India and China. *New Perspectives Quarterly*. Vol. 20. No. 1. P. 4—13.
- [18] Sergunin A., Karabeshkin L., 2015. Understanding Russia's Soft Power Strategy. *Politics. Special Issue: The Soft Power of Hard States*. Vol. 35. No. 3—4. P. 347—363.
- [19] Spaniel W., Smith B.C., 2015. Sanctions, Uncertainty, and Leader Tenure. *International Studies Quarterly*. Vol. 59. No. 4. P. 735—749.
- [20] Torkunov A.V., 2012. Obrazovanie kak instrument “myagkoi sily” vo vneshnei politike Rossii. [Education as the soft power tool in the Russian foreign policy]. *Vestnik MGIMO-Universitet*. No. 4. P. 85—93.
- [21] Weber M., 1947. The Theory of Social and Economic Organization, Trans. by A.M. Henderson and T. Parsons. *Glencoe: The Free Press*.
- [22] Whitaker B.E., 2010. Soft balancing among weak states? Evidence from Africa. *International Affairs*. Vol. 86. No. 5. P. 1109—1127.
- [23] Wilson J., 2015. Russia and China Respond to Soft Power: Interpretation and Readaptation of a Western Construct. *Politics*. P. 287—300.
- [24] Yag'ya V.S., Minfu L., 2015. Institut Konfutsiya kak faktor “myagkoi sily” vo vneshnei politike KNR v XXI veke [Confucius Institute as a factor of “soft power” in China's foreign policy in the XXI century] *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 7. P. 84—93.
- [25] Yag'ya V.S., Chernov I.V., Kovalevskaya N.V., 2013. *Lingvisticheskie izmereniya mirovoi politiki* [Linguistic measurement of world politics]. Berlin: Golden Mill. P. 202.

For citations: Yagya V.S., Chukov R.S., Parfenenok N.L. BRICS: Evolution and Convergence of Powers. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 16. No. 1 (March 2016). Pp. 7—16.